

НАС МНОГО, И МЫ ВЕЗДЕ...

Памяти К.В.Каспаровой

С начала 80-х гг., изучая древности эпохи латена, я имел возможность постоянно пользоваться консультациями Ксении Васильевны Каспаровой, никогда не отказывавшей в помощи всем, кто к ней обращался. Она была моим бесменным официальным оппонентом. Ее отзывы, всегда корректные по отношению к точке зрения или концепции, отличной от ее собственной, вместе с тем были беспощадны к фактологическим ошибкам — вряд ли кто-нибудь знал на память состав подавляющего большинства комплексов зарубинецкой культуры так хорошо, как она. Вообще планка научных и человеческих требований Ксении Васильевны была чрезвычайно высока — и, может быть, поэтому у нее почти не было учеников. У нас достаточно часто случались приватные дискуссии, после которых приходилось не один месяц «переваривать» полученную в их ходе информацию. Поэтому со многими идеями Ксении Васильевны я познакомился впервые не в опубликованном виде, а лично, при личном общении, и могу утверждать, что в публикациях она не говорила всего того, в чем на тот момент была совершенно уверена. Вообще в то время зачастую возникало впечатление, что наши коллеги пишут и публикуют статьи, оглядываясь на внешнего, а чаще — «внутреннего цензора». Теперь времена изменились: печатать можно все — по крайней мере, в России. Но, похоже, «внутренний цензор» оказался ничем не хуже внешнего, а может быть, и заменил его: с течением лет все труднее становится изменить хотя бы строчку в привычных построениях, все труднее слушать других, все легче не обращать внимания на отличающиеся точки зрения, развивая свою собственную.

Всех этих признаков «научного старения» была начисто лишена К.В.Каспарова. Она не была святым человеком, критиковала резко и нелюбезно (см. первые публикуемые рецензии в этом сборнике), могла и просто кого-то по-человечески не любить, но никто не может упрекнуть Ксению Васильевну в научной «негибкости» — посмотрите, сколько раз она пересматривала, например, свою схему относительной и абсолютной хронологии зарубинецкой культуры! О том, сколько лет труда было положено на каждый такой пересмотр, свидетельствуют десятки вариантов черновиков ста-

тей, сохранившиеся в ее архиве.

Основной темой наших дискуссий с Ксенией Васильевной были ранняя дата зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка и их ясторфская подоснова. К.В.Каспарова была убеждена, что ранняя дата не выходит за пределы 180-160-х гг. до н.э., а поморская подоснова для этих древностей предпочтительнее ясторфской. Спор остался неоконченным. Многие статьи ведущих специалистов, занимающихся проблемами зарубинецкой культуры, вошедшие в предлагаемый вниманию читателей сборник памяти К.В.Каспаровой, продолжают прерванную дискуссию.

Когда-то в частной беседе Ксения Васильевна заметила, что нам в науке больше всего мешают политический заказ, недостаток информации и инертность мышления. От первого и второго нас избавило падение «железного занавеса» и развитие информационных технологий, избавиться от последнего можем лишь мы сами. И это постепенно происходит, о чем свидетельствуют основные тенденции, прослеживающиеся при прочтении сборника:

1. Общепризнанной стала датировка сложения зарубинецкой культуры временем около 230-220-хх гг. до н.э.

2. Ясторфская подоснова зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка и их принадлежность бастарнам больше не вызывает принципиальных возражений.

3. Разногласия касаются частных вопросов — узких датировок отдельных типов вещей и памятников, соотношения вариантов зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка с разными группами бастарнов, известными по письменным источникам.

4. Значительная часть археологов не признает существования хиатуса между зарубинецкой культурой и культурами предшествующего времени в Поднепровье и Поднестровье.

По поводу последнего позволю себе небольшое отступление. Д.А.Мачинскому достаточно было опубликовать в 1971 г. *лишь одну* статью «О времени первого активного выступления сармат». Аргументы, приведенные в ней, оказались столь бесспорны, а выводы до такой степени адекватны источникам, что дальнейшее учас-

тие Дмитрия Алексеевича в дискуссии оказалось ненужным: она продолжалась без него и угасла сама собой через некоторое время за отсутствием серьезных аргументов у оппонентов. Конечно, мы, археологи, всегда пристрастны в научных исследованиях, поскольку нам в эмоциональном плане безразличен сам предмет исследования. Но не следует забывать, что спор идет не о том, как все было в древности на самом деле, а о том, как мы себе это представляем: над нами нет верховного судьи, машина времени пока не изобретена, и коллективная истина рождается в споре. В то же время археологическим источникам безразличны наши пристрастия, наше личное или коллективное «бессознательное» — здесь проявляется, по меткому выражению М.Б.Шукина, «естественное сопротивление материала». На археологические источники не действуют заклинания — многократно повторенные недостаточно обоснованные гипотезы или хронологические выкладки не становятся обоснованнее.

Археологические памятники абсолютно не волнуют, например, наши переживания о том, что плодородные земли Поднепровья, Поднестровья и Повисленья почему-то не использовались в III в. до н.э. Имеющиеся археологические источники явно противятся стремлению пресечь бесхозяйственное использование земель в древности путем их «заселения» с помощью искусственного растягивания временных рамок местных культур. В конце 70-х — начале 80-х гг. Р.Волангевич и Т.Домбровская обосновали существование хронологической лакуны между поморской, оксывской и пшеворской культурами. Закончив к 1990 г. исследование поздних комплексов поморской, гетской, милоградской и скифской культур, я пришел к выводу о существовании хронологической лакуны между ними и ранними поянешти-лукашевскими и зарубинецкими комплексами. С тех пор никаких новых аргументов сторонники местного происхождения латенизированных культур не привели. Не стоит навязывать древнему населению излишнюю склонность к постоянной оседлости и традиционности. Письменные и археологические источники свидетельствуют скорее об обратном — о достаточно высокой как географической, так и социальной мобильности племен эпохи раннего железного века, для которых переселение на пару тысяч километров, особенно по принципу «поближе к морю» или «где пограбить», никогда не было в тягость. Очевидно, пора, отбросив свои пристрастия, искать конкретные точно датированные археологические памятники, заполняющие уже существенно сократившийся хитатус второй-третьей четвертей III в. до н.э., или, не умножая сущностей сверх необходимого, переходить к решению проблемы, почему земли оказались в запустении.

Наиболее последовательно отстаивают наличие местных корней зарубинецкой культуры Е.В.Максимов и С.П.Пачкова, тем не менее признающие и существенный вклад ясторфской культуры. С.П.Пачкова, например, в серии статей сравнивает целые формы посуды зарубинецкой культуры с целыми формами посуды других культур и вычисляет их процентное сходство. Хотел бы отметить здесь три момента:

1) Типологическое сходство само по себе вовсе не доказывает существование генетической преемственности. При наличии хронологической лакуны исследование типологического сходства приобретает заметный схоластический оттенок: выявляемые сходства интересны лишь в плане стадийного сравнения характерных для разных культур керамических традиций и не имеют отношения к решению вопроса о преемственности культур.

2) Тем не менее, сравнение целых форм в целях выявления генетических сходств, на мой взгляд, следует проводить более корректно: сравнивать целые формы не культурных групп целиком, а происходящие из ранних комплексов зарубинецкой культуры и поздних комплексов поморской, скифской, милоградской культур и синхронных комплексов ясторфской культуры.

3) Следовало бы использовать более адекватные математические методы исследования пропорций — слишком уж разные формы оказываются математически подобны.

И последнее. В современной науке не должно быть «географических» научных школ, детерминированных местом проживания исследователей — это нонсенс в век информационных технологий, показатель оторванности от остального научного мира. Не существует «Санкт-Петербургской археологической школы» — существует направление современной постсоветской археологии, которое правильнее было бы назвать «хронологическим», являющееся частью современной европейской археологии раннего железного века, для которой не принципиальны современные политические границы — так же, как абсолютно не важны они были для не подозревавших об их появлении в будущем бастарнов или готов. Это направление использует общепринятые в европейской археологии методы хронологических исследований, корректно перенесенные на наши источники именно К.В.Каспаровой, М.Б.Шукиным и Д.А.Мачинским — учениками М.А.Тихановой, М.И.Артамонова, Ю.В.Кухаренко. Нас много, и мы везде: И.А.Бажан (Москва), Н.Е.Берлизов (Краснодар), В.Е.Еременко, С.Ю.Каргопольцев, О.В.Шаров, Ю.Ю.Шевченко (Санкт-Петербург), М.М.Казанский (Париж), М.Е.Ткачук (Кишинев), и многие другие. Все мы были знакомы с Ксенией Васильевой, и светлая память о ней остается с нами.